

ГЕОПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

АЙДАШОВ Н.С.

Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына

УДК 327

Аннотация: В статье рассматривается геополитическое положение в Центральной Азии и бассейне Каспийского моря. Так же освещаются роли Российской Федерации в данном геополитическом пространстве и интересы других мировых геополитических держав таких как ЕС и США.

Abstract: The article discusses the geopolitical situation in Central Asia and the Caspian Sea basin. Just highlights the role of the Russian Federation in this geopolitical space and geopolitical interests of other world powers such as the EU and the US.

Аннотация: Бул макалада Каспий деңиз бассейниндеги жана Орто Азиядагы геосаясий абал каралган. Ушул геосаясий чөлкөмдөгү Россия Федерациянын мааниси, дүйнөлүк геосаясий державалардын, ЕУ жана АКШ кызыкчылыктары чагылдырылган.

Ключевые слова: геополитика, этнический конфликт, религиозный конфликт, экономика, мировое сообщество, экономический капитал, политический капитал.

Key words: geopolitics, ethnic conflict, religious conflict, the economy, the international community, the economic capital, political capital.

После распада СССР постсоветское пространство стало зоной конфликта интересов ведущих стран мира. К тому же каждая из новых независимых стран СНГ страдает от серьезных внутренних проблем, отличается внутренней нестабильностью. Все они имеют границы, которые являются либо объектом претензий соседей, либо зонами этнических и религиозных конфликтов. Если первоначально Содружество Независимых Государств геополитически преследовало одну важную цель — обеспечить мягкий передел пространства бывшего СССР, то сегодня оно представляет собой искусственное образование с весьма эфемерными структурами.

Россия пока слишком слаба политически, чтобы полностью закрыть это пространство для внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать богатства Евразии исключительно собственными силами. Если геополитике СССР в Евразии был присущ дух наступления и экспансионизма, то геополитика постсоветской России носит оборонительный характер.

Попытки России сохранить свое влияние в постсоветском пространстве сталкиваются с интересами крупнейших мировых держав: с ЕС и США — на западе, с Турцией, Ираном и Китаем — на востоке. В это соперничество косвенным образом вовлечены Пакистан и Индия.

Через евразийское постсоветское пространство проходят важные транспортные пути, которые способны соединить промышленно развитые районы Запада с богатыми полезными ископаемыми, но весьма удаленными районами Евразии на востоке. На постсоветском пространстве сосредоточены огромные запасы газа, нефти, золота, никеля и других цветных металлов. В Центральной Азии и бассейне Каспийского моря хранятся запасы природного газа и нефти, превосходящие месторождения Кувейта, Мексиканского залива и Северного моря. Поэтому таким важным является вопрос о прокладке трубопроводов и средств коммуникаций через Евразию. Если основные трубопроводы будут по-прежнему проходить по территории России к российским терминалам в Новороссийске на Черном море, то большинство районов постсоветского пространства останется в политической зависимости от России, и Москва при этом будет занимать сильные позиции, решая, как делить новые богатства Евразии. И, наоборот, если новые трубопроводы будут проложены через Каспийское море к Азербайджану и далее к Средиземному морю через Турцию, а другие протянутся через Афганистан к Аравийскому морю, то не будет никакой российской монополии в доступе к богатствам Евразии.

Первостепенный интерес США, по мнению З. Бжезинского, состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ. Америка заинтересована в разработке богатств Евразии, в прокладке новой сети нефтепроводов и транспортных путей, которые соединят регионы Евразии непосредственно с крупными центрами мировой экономической деятельности через Средиземное и Аравийское моря так же, как и по суше. Для этого США необходимо ограничить стремления России монополизировать ресурсы на постсоветском пространстве. Стратегия противодействия России вынуждает США создавать альянсы с бывшими союзными республиками. Бжезинский называет несколько геополитических центров СНГ, которые заслуживают мощнейшей геополитической поддержки со стороны Америки. Это Украина, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан. Хотя роль Киева по замыслу З. Бжезинского является ключевой, в то же время Казахстан (с учетом его масштабов, экономического потенциала и географически важного местоположения) также заслуживает американской поддержки и длительной экономической помощи. Бжезинский подчеркивает, что со временем экономический рост в Казахстане мог бы помочь перекинуть мосты через трещины этнического раскола, которые делают этот среднеазиатский «щит» столь уязвимым перед лицом российского давления.

Для реализации своих планов в постсоветском пространстве США действует в нескольких направлениях.

Во-первых, препятствует интеграционным процессам в СНГ, поддерживая сепаратистские националистические устремления новых независимых государств.

Во-вторых, активно используются экономические рычаги: под предлогом содействия в становлении рыночной экономики создаются благоприятные условия для проникновения американского капитала в постсоветское пространство.

В-третьих, всячески поощряется интеграция постсоветских государств в мировое сообщество, международные политические и финансовые организации, участие в диалоге по безопасности и сотрудничеству с целью активного противостояния российским геополитическим интересам в постсоветском пространстве.

В долгосрочном плане предусматривается соединение линий электропередачи и газопроводных систем республик Закавказья, прикаспийских стран Центральной Азии, Ирана и Турции и создание транспортно-экономического коридора из Центральной Азии в Европу — так называемого «Великого шелкового пути» в современном варианте.

В 1999 г. Конгресс США принял доктрину «Стратегия Шелкового пути», которая направлена на организацию транзита энергоносителей через Турцию в обход России. В средствах массовой информации этот проект представили как открытие нового нефтяного Клондайка, богатства которого сравнимы с богатствами Персидского залива. Проект был готов, но денег на реализацию у США нет. Запад разыгрывает очередной конфронтационный сценарий: американцы «столбят» участки и «замораживают» их до лучших времен — когда потребуется оказать политическое давление в регионе.

В постсоветском пространстве Америка разделяет общие интересы со стабильной прозападной *Турцией*. Турецкие националисты видят новое предназначение тюркских народов во главе с Турцией в том, чтобы доминировать в бассейне Каспийского моря и в Средней Азии. В определенном смысле это остатки имперского чувства отдаленного прошлого. Османская империя в XVI в. включала страны Закавказья, хотя ей и не удалось подчинить Среднюю Азию. Сегодня Турция заявляет о себе как потенциальный лидер расплывчатого сообщества тюркоязычных стран, используя свой экономический и политический капитал для геополитического преобладания в регионе. Один из путей достижения этой цели связан со строительством нефтепровода Баку — Джейхан.

Турецким амбициям в Средней Азии и Закавказье противостоит влияние *Ирана*, который также предлагает свою концепцию исламского общества. Турки и персы

исторически противостояли друг другу в этом регионе. В прошлом государство Ахеменидов (персов) включало территории Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Афганистана, Турции, Ирака, Сирии, Ливана и Израиля. Несмотря на то, что сегодняшние геополитические устремления Ирана более скромные и направлены главным образом на Азербайджан и Афганистан, тем не менее, идея мусульманской империи живет в политическом сознании религиозных лидеров Ирана. Извлекая выгоды из своего географического положения, Иран старается расширить сеть транспортных коридоров через свою территорию, участвует в строительстве нефте- и газопроводов к портам Персидского залива. Значительные объемы казахстанской и азербайджанской нефти уже перекачиваются через трубопроводную систему на севере Ирана. США стремятся противодействовать амбициозным иранским устремлениям в Прикаспийском регионе, стараясь изолировать Иран от мирового сообщества, используя как предлог обвинения Ирана в поддержке терроризма. Это заставляет Тегеран искать политической поддержки России. У Ирана и России имеется частичное совпадение интересов и по другому важному геополитическому вопросу: обе страны заинтересованы в ограничении влияния пантюркизма в регионе.

Все более сильным фактором в постсоветском пространстве выступает *Kumay*. Новые государства Закавказья и Средней Азии служат буфером между российскими и китайскими интересами, но в то же время энергоресурсы постсоветского пространства выглядят необычайно привлекательными для Пекина. Получение прямого доступа к ним, без какого бы то ни было контроля со стороны Москвы — перспективная геополитическая цель Китая. Поскольку на территории самого Китая мало энергоресурсов, Пекин сегодня является серьезным конкурентом США и России в борьбе за казахстанскую нефть. Наиболее важные межправительственные соглашения: в 1997 г. в Алма-Ате договоры «О сотрудничестве в области нефти и газа» и «О прокладке двух нефтепроводов».

Сегодня уже весьма заметны результаты активной деятельности новых политических акторов в постсоветском пространстве: введенный в действие нефтепровод Баку — Супса уменьшил зависимость Азербайджана от России в перекачке нефти на западные рынки; строительство железной дороги Хеджей — Сераха — Мешхед открыло новые возможности Туркмении и Узбекистана для развития экономических связей с Ираном; открытие Каракорумского шоссе стало важным транспортным мостом между Китаем, Киргизией и Казахстаном.

Сильной стороной *российского* геополитического влияния в постсоветском пространстве остается то, что там сегодня проживает около 65 млн русских, во многом предопределяя активность России в ближнем зарубежье.

Парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что пока ослабление русского культурного влияния и вытеснение русского языка на первый взгляд ничем не компенсируются. Надежды новых постсоветских элит в *Закавказье* и *Средней Азии* на то, что на смену русскому языку со временем придет английский или турецкий, пока не оправдались. Для массового распространения этих языков на обширных постсоветских пространствах нет ни соответствующих условий, ни финансовых средств. Даже в США идея внедрения английского языка в систему постсоветского образования не получила пока поддержки.

Возникший социокультурный вакуум сегодня в большинстве постсоветских государств заполняет *исламский* фактор: активное распространение исламского культурного влияния. Усиление влияния исламистов ведет к активизации радикальных партий и организаций, что особенно заметно в политической культуре центральноазиатских государств. В *Таджикистане* правительственная коалиция включает объединенную таджикскую оппозицию, в которой основную роль играет Партия исламского возрождения Таджикистана. Националистические настроения подогреваются Западом, что приводит к религиозным и этническим конфликтам и терроризму.

Сегодня на постсоветском пространстве испытываются новые глобальные технологии, сутью которых является политическая дестабилизация и нарушение статус-кво государств без применения военной силы. К числу таких технологий относятся:

- › подкуп элит;
- › «развращение свободой»;
- › поощрение этносуверенитетов;
- › поощрение русофобии окраин и национального нигилизма с тем, чтобы убедить русских, что «быть русским — стыдно»;
- › деморализация общественного сознания через вестернизацию культуры;
- › захват плацдармов в решающих областях национальной экономики;
- › перевод внутривнутриполитических отношений в режим «битв олигархов»;
- › разрушение национальных структур;
- › поддержание перманентного реформирования органов государственной власти и достижение состояния безвластия в стране и др.

Уже сегодня существует несколько опасных очагов напряженности, где ситуация остается взрывоопасной, а ее развитие — непредсказуемым. На Кавказе сохраняется угроза возобновления «замороженных» конфликтов между Арменией и Азербайджаном (из-за Нагорного Карабаха), постоянно «тлеет» очаг напряженности в Чечне, сохраняется опасность военных столкновений по линии грузино-абхазского вооруженного конфликта. Конфликты в Центральной Азии провоцируют региональные, этнические и религиозные противоречия. Политическая нестабильность в Таджикистане, вооруженные столкновения на юге Ферганской долины, на границах Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана превратили Центральную Азию в «евразийские Балканы».

Россия по совокупному геополитическому потенциалу могла бы претендовать на роль стабилизирующего фактора в Евразии. Стремление сохранить в Кавказском, Каспийском и Центрально-Азиатском регионах свое экономическое и военно-политическое присутствие, ответственность за судьбу этнических русских, проживающих в конфликтных зонах, прямое воздействие нестабильности в постсоветском пространстве на этнополитическую ситуацию в приграничных районах Российской Федерации, необходимость предотвращать угрозу распространения религиозного экстремизма и терроризма — все эти причины заставляют Россию так или иначе участвовать в конфликтах Закавказья и Центральной Азии.

Умелый акцент на миссии миротворчества в постсоветском пространстве мог бы помочь России решить сразу две задачи: оказывать влияние на геополитическую ориентацию новых независимых государств и поддерживать стабильность на своих границах. Давно известно: тот, кто играет роль миротворца, одновременно обладает и контролем над пространством конфликта. Запад старается всеми силами интернационализировать миротворческие акции России с целью ограничения ее геополитического влияния.

Многие конфликты постсоветского пространства невозможно разрешить силой оружия: они требуют гибкого сочетания дипломатических и экономических средств. К числу таких методов можно отнести создание в конфликтных приграничных районах анклавов свободных экономических зон, введение института двойного гражданства, что существенно смягчило бы остроту гуманитарной проблемы, связанной с режимом пересечения государственных границ для жителей приграничных территорий. Договор о коллективной безопасности стран — членов СНГ, который мог бы стать основным механизмом достижения стабильности в ближнем зарубежье, к сожалению, во многом является просто декларацией о намерениях.

Обострились разногласия между Россией и государствами Прикаспия относительно статуса Каспийского моря, контроля над его нефтяными районами, транспортными коридорами и маршрутами доставки энергоносителей, что привело к открытому соперничеству между Россией, Азербайджаном, Казахстаном, Туркменистаном и Ираном.

В результате вокруг Закавказья и Центральной Азии начала складываться принципиально новая геополитическая ситуация, которую аналитики назвали «второй большой игрой». В южном блоке выступают Турция, Туркменистан и Узбекистан. В северный блок входят Россия, Китай, Иран, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан. При таком геополитическом раскладе сил России надо либо наращивать свое экономическое и военно-политическое присутствие в постсоветском пространстве, что во многом по экономическим причинам является пока сложной задачей, либо вести активную дипломатическую работу по созданию работоспособной системы коллективной безопасности в СНГ. Если последнего не произойдет, то страны СНГ в поисках других миротворцев станут все чаще апеллировать к Западу, ООН, ОБСЕ, что уже отчасти и происходит. Запад активно поддерживает эти устремления, чтобы сделать конфликты постсоветского пространства объектом геополитического торга с Россией. Существует определенная связь между «картой конфликтов» и «картой маршрутов»: почти все предполагаемые маршруты нефтепроводов пролегают через зоны этнических конфликтов.

Сохранение геополитического и геостратегического влияния России на постсоветском пространстве возможно при известном балансе интересов с бывшими республиками СССР.

Политике дезинтеграции, которая проводилась в предшествующие годы, нужно противопоставить интеграцию постсоветского пространства. Актуальность того или иного проекта всякий раз обуславливалась конкретными обстоятельствами.

3. Бжезинский одним из первых дал отпор «реставрации русского империализма»: «упор на ближнее зарубежье» не был просто политически мягкой доктриной регионального экономического сотрудничества. В ее геополитическом содержании имелся имперский контекст. Даже в довольно умеренном докладе в 1992 г. говорилось о восстановившейся России, которая в конечном счете установит стратегическое партнерство с Западом, партнерство, в котором Россия будет «регулировать обстановку в Восточной Европе, Средней Азии и на Дальнем Востоке». Однако в результате политического давления Запада даже этот «мягкий» либеральный вариант интеграции не состоялся.

На смену либеральной пришла славянофильская геополитическая модель интеграции, в основе которой лежит союз славянских народов России, Украины и Белоруссии. Сегодня реальные шаги сделаны только по пути российско-белорусской интеграции.

25 декабря 1998 г. была подписана Декларация о дальнейшем единении Белоруссии и России, 2 декабря 1999 г. — *договор о создании Союзного государства*. Однако эти документы носят рамочный характер: реальные политические соглашения, на основе которых можно было бы решать вопросы единой валютной, экономической и хозяйственной политики, до сих пор не достигнуты.

Российско-белорусский интеграционный процесс вызывает противодействие со стороны США и ЕС. Это происходит разными путями: через открытую поддержку оппозиции, непризнание результатов президентских выборов, торговые и экономические санкции. Цель одна — любыми способами помешать интеграции, поскольку реальное появление на политической сцене Союзного государства России и Белоруссии существенно изменило бы расстановку сил на геополитической карте Евразии.

В литературе высказывается евразийский вариант интеграции постсоветского пространства, который опирается на идею полярности России «как сердца Евразийского острова, как Heartlanda», которая, по мнению его авторов, в актуальной геополитической ситуации лучше всех остальных регионов могла бы противостоять атлантистской геополитике и быть центром альтернативного Большого пространства.

«Умеренный» вариант евразийства был разработан президентом Казахстана Н. Назарбаевым, выдвинувшим *концепцию Евразийского Союза* (ЕАС) в качестве альтернативы безликому и неэффективному СНГ. Эта инициатива вызвана

этнополитическим расколом, произошедшим, в Казахстане между коренными казахами и русскими переселенцами, число которых приблизительно одинаково. Поэтому возникло стремление найти формулу, которая могла бы несколько ослабить давление Москвы, направленное на политическую интеграцию. Назарбаев утверждает, что Евразия определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и особое политическое измерение.

Предлагается и модель военно-политической интеграции постсоветского пространства. В его основе лежит подписанное в июне 2000 г. на встрече глав государств СНГ в Москве соглашение о создании совместного антитеррористического центра в рамках СНГ. Участвовать в нем отказалась только Туркмения, которая придерживается политики нейтралитета. Антитеррористический Центр одновременно может стать и центром военно-политической интеграции стран СНГ.

Правда, все эти модели интеграции так и остались проектами, поскольку не были поддержаны постсоветскими элитами новых, независимых государств СНГ, были слишком политизированы.

Евразия представляет собой пространство формирующихся процессов, причем порой диаметрально противоположных. В этом смысле особенно показательна судьба Центральной Азии, своеобразный, если хотите, посредник между Востоком и Западом. Из событий недавнего прошлого очень важны два исторических момента для понимания того, что сейчас происходит здесь и может случиться в будущем.

Когда гигантская страна в одночасье превратилась в полтора десятка недоразвитых государств, в аутсайдерах мирового списка благополучия со всей очевидностью оказались и бывшие советские среднеазиатские республики. С другой стороны, за 24 самостоятельных лет эти новые страны стали мишенью для многих мировых держав, что вроде бы обещает заманчивые перспективы, но и таит в себе серьезные угрозы.

Россия, имея стратегические и иные интересы в этом регионе и неся историческую ответственность за все постсоветское пространство, не хочет, чтобы процесс СНГ, в который активно включены республики Центральной Азии.

Литература:

1. Дугин А. Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997.
2. Кушкумбаев С.К. Центральная Азия на путях интеграции: Геополитика. Этничность. Безопасность.- Алматы, 2002.
3. Поздняков Э.А. Геополитика. — М: Прогресс, Культура, 1995.
4. Проблемы национальной безопасности Кыргызстана – Б.: Институт социально-политических технологий, 2006. – 341с.
5. Состояние и перспективы развития внешней политики Кыргызстана – Б.: «Ректайм», 2009. – 235с.
6. Суюнбаев М.Н. Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана (глобальный, региональный и национальный аспекты) - Б.: ИИМОП КНУ, 2005г. -122с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — №1.